

Павел КАЛИКИН

Крейсер «Утёс»
Сказка

Если идти из нашего города вверх по течению, примерно через час с правого борта откроется живописный вид. Отлогий правый берег вдруг круто устремляется вверх метров на сто, а затем, когда река отвернёт влево, стремительно обрывается до прежнего пойменного уровня. На скале, нависающей над водой – ни дерева, ни кустика. Даже травку, зацепившуюся за расщелины, срывает ветрами, смывает ливнями. Грозно, нелюдимо возвышается над излучиной реки утёс, и в сравнении с ним хрупкой, едва ли не игрушечной поделкой выглядит у его подножия пристань. Её официальное название – дебаркадер «Утёс», – почему-то не прижилось у жителей расположенного чуть поодаль посёлка. Они предпочитали называть пристань попросту — Поплавок. Затем, после известных событий, о которых речь впереди, стали именовать и вовсе необычно — крейсер «Утёс».

Чтобы пристань, пусть даже в шутку, люди назвали крейсером, должны быть веские основания. И они мне доподлинно известны.

Сколько помнил себя «Утёс», он всегда мечтал о дальних походах. На судостроительном заводе рядом с ним строились катера. Их изящные обводы обещали стремительный ход по невысоким, впрочем, волнам и отменную маневренность. В отличии от них у нашего героя обводов не было вовсе, но были надежды и мечты. По мере того, как прирастал корпус, он надеялся совершать дальние и даже очень дальние походы с важными грузами. А мечтал он о том, что строительство увенчается монтажом опускающегося трапа – аппарели, и тогда он будет перевозить по реке, а может быть, и по морю машины, трактора или военную технику.

Да, он мечтал стать десантным кораблём. Но аппарель, увы, не появилась. Однако мечтать «Утёс» не перестал. Когда на палубе появилась надстройка – двухъярусная, лёгкая, изящная, с большими окнами на все четыре стороны света, – он понял, что его судьба будет связана с пассажирами. Он станет ходить по всей реке и даже по её притокам, перевозить людей на дальние расстояния, делать это неспешно, чтобы они успевали налюбоваться самыми красивыми местами...

Одно беспокоило будущего странника: под палубой не спешили устанавливать двигатель, не торопились оснастить корпус гребным винтом и рулевыми механизмами. Даже тогда, когда строители приступили к покраске, «Утёс» надеялся, что впереди у него – переход на другую верфь, где он будет оснащён самыми современными и, вероятно, секретными механизмами и приборами.

И вот однажды ночью ошвартовался рядом буксир, и над водной гладью впервые прозвучало гордое имя нашего героя. Без должного, пока ещё, почтения:

— Эй, на «Утёсе»! Кончай ночевать. Принимай буксировочный!

Вскоре буксир дал короткий гудок, вспенил воду за кормой и начался для «Утёса» первый дальний поход.

Подувал лёгкий встречный ветерок. Прямо по курсу в полнеба полыхала заря. Солнце расплавленным краешком выглянуло из реки, осмотрелось с перископной глубины и, получив команду на всплытие, неторопливо, степенно выплыло из-за горизонта. А «Утёс», пусть даже на буксире, уверенно шёл ему навстречу. Как жаль, что на его борту не было пассажиров. Они зачарованно смотрели бы, как солнце уменьшающимся огненным колесом катится на вершину растущей по мере приближения горы. Вкатилось, секунду-другую помедлило и оторвалось, чтобы начать своё восхождение к зениту.

Буксир приветствовал его протяжным гудком и решительно взял вправо, к пологому пока ещё берегу.

«Утёс» любовался живописным пейзажем, слаженной работой экипажа буксира, и не догадывался, что с того момента, как дощатый настил соединил его с берегом, он стал пристанью.

Буксир отдал швартовы и с протяжным прощальным гудком отправился в обратный путь. Боцман дебаркадера Иван Ильич взял под козырёк, а вахтенный матрос тётя Дуся, держа руку козырьком, смотрела в противоположную сторону, где по излучине прокладывал след основательно загруженный сухогруз.

С появлением дебаркадера жизнь возле утёса заметно оживилась. Отныне проходящим мимо судам было кому послать уважительно-протяжный гудок, просемафорить несколько фраз. Речные трамвайчики привозили к подножию утёса фотографов и художников, скалолазов и дельтапланеристов. Время от времени трёхпалубные круизные теплоходы высаживали на берег сотни туристов, жаждущих совершить восхождение и запечатлеть себя на вершине каменного исполина.

На берегу сам собой образовался базарчик, где торговали сувенирами и всякой снедью. Деревянный настил очень быстро оброс целой стаей причаленных к нему лодок. Лодки с рассвета и до заката были облеплены удившей рыбу пацанвой. За рыбаками с высоты своего служебного положения наблюдал боцман. Успехи и неудачи он принимал близко к сердцу. Настолько близко, что брался за микрофон:

— Щучий ты сын! Покажи, покажи! Красавец. Мамке неси. И меня на уху пригласить не забудь...

— Куда!? Куда ты дёргаешь! Он же только принохивается, прилаживается...

— Ну зачем же так рвать! Эдак всем пескарям губы поотрывает...

Голос боцмана летел над водой, отражался от скалы и бархатистым эхом вкатывался в распахнутые окна дебаркадера. В конечном счёте сердце заядлого рыбака не выдерживало, он спускался из своей неходовой рубки, брал в руки снасть и давал два-три урока мастерства, плавно перетекавшие в воспоминания о самых рыбных местах на реках, озёрах, морях и прочих акваториях.

«Утёс» замороженно вслушивался в эти рассказы, запоминал названия рек, озёр, портов, причалов, доков и затонов, чтобы по ночам под шёпот волн повторять их как заклинание, как пропуск в самые сладкие сны. Рассказам боцмана не было конца, но молодость памятлива, и вскоре наш герой мог без запинки рассказать лоцию нашей не самой маленькой на континенте реки.

Мог. Но зачем дебаркадеру лоция? Он пришпилен к берегу деревянным настилом. Он накрепко привязан к сваям, обречён покачиваться на чужих, увы, волнах, безразличен проходящим вверх и вниз сухогрузам, танкерам, рейсовым пассажирским теплоходам. Гудками они приветствуют не его, а бывалого речника и морехода Ивана Ильича. Лично его дважды в день, утром и вечером, окликает взбалмошной сиреной речной трамвайчик. Окликает так, будто застал его спящим на боевом посту. А сам меж тем подваливает порой очень даже небрежно, рискуя лишить равновесия зазевавшихся пассажиров.

Капитанов этих трамвайчиков называет боцман великовозрастными шалопаями. Ещё и потому, что на его брюзжание они не обращают ни малейшего внимания. Им невдомёк, что нынешний боцман три десятка лет ходил по рекам, и два десятка из них – капитаном.

Лишь однажды ранним солнечным утром трамвайчик ещё на подходе дал протяжный гудок и филигранно, пёрышком прислонился к дебаркадеру. Матросы ещё возились со швартовкой, а капитан уже стоял на мостике, широко раскинув руки. И также широко раскинул руки боцман, стоя на своём неходовом мостике.

— Какими судьбами? Уже не чаял увидеться.

— Зашёл попрощаться. Вернулся с курсов. Назначен на «Ивана Тургенева». Пока стажёром.

— Молодец, Лёшка. А стажёром – это ненадолго. Ты не задержишься. Что ж раньше не сказал? Пропал, как в воду канул.

— Да я на курсы, признаться, сбежал. Кривко не отпускал. Документы уже потом довозил...

Минуток десять всего-то простоял у дебаркадера речной трамвайчик. И все эти минуты боцман Иван Ильич и капитан по имени Лёша вели душевную беседу. Не всё понятно было в ней постороннему, но одно — самое главное! — наш герой усвоил. Перед ним был человек, который добился цели, исполнил свою мечту. Ему мешали, а он добился, строили преграды, а он исполнил.

Убежал вниз по течению речной трамвайчик, сошли на берег по дощатому настилу пассажиры, скрылся в рубке боцман Иван Ильич, а вахтенный матрос тётя Нюся, никого не известив, мягко говоря, отлучилась — корову подоить, задать корм курам и тесто затворить. Пацаны с лодок без особого азарта удили рыбу. Всё шло своим чередом. Именно по этой причине «Утёсу» вдруг стало нестерпимо грустно. «Надо что-то делать... Что-то надо делать», — повторял он, меняя порядок слов, но от этого ничего не изменялось.

И тогда наш герой... Никто не знает, как он освободился от дощатого настила, от непоколебимых свай, но он выбрался на чистую воду и отправился в самостоятельное плавание.

Поверьте, это было непросто – без рулей, без винтов... Сначала его несло течение. Но несло на скалистый утёс, чьё имя он гордо нёс на своих фронтонах. Конечно, вираж, который ему удалось заложить, был весьма далек от идеала, но все-таки это была его первая победа.

Когда утёс остался позади, когда обрётённый навык манёвра был осознан он понял вдруг, что мало, до обидного мало скользить по течению. Чтобы считать себя равным всем прочим судам, он должен идти реке навстречу. Какое-то время напор отражённой скалистым выступом струи помогал ему, но дальше... Дальше не за что было зацепиться, не от чего было оттолкнуться, не от чего и не чем. Но он держался. Стоял на месте, как тот утёс. Дрожал, но стоял, а потом продвинулся на чуть-чуть, ещё на столько же и даже чуть больше, на полметра, на метр... Предельно медленно, но неуклонно дебаркадер «Утёс» шёл против течения. Шёл с ускорением. Шёл, набирая ход.

Обратный вираж под отвесной скалой с известными допусками можно было назвать изящным. На половине дуги его нагнал речной трамвайчик. Пассажиры махали ему руками. Капитан Лёша метался по ходовому мостику с крыла на крыло. Ему, разумеется, было не просто определить, что дебаркадер движется в том же направлении.

Трамвайчик сбросил ход и заложил циркуляцию. Капитан Лёша идеально рассчитал точку встречи с плавсредством, которое сносит течение. И всё же он промахнулся, потому что неуклюжая плавучая пристань не просто двигалась навстречу – она набирала ход.

Но не только это огорчило капитана. На дебаркадере он не увидел ни боцмана Ивана Ильича, ни вахтенного матроса, а это было явлением недопустимым. Более того – попросту немислимым.

– Эй, на «Утёсе»! – исполненный тревоги голос капитана эхом покотился по реке. – Есть кто живой?

— Есть! Как не быть! — отозвался в рупоре голос Ивана Ильича и тотчас в одном из окошек второго яруса показалось его чуть припухшее от послеполуденной дрёмы лицо.

Первым делом боцман приветливо помахал рукой капитану Лёше и тут же замер, округлив глаза. Любой другой человек на его месте глазам своим не поверил бы. Но боцман много чего повидал на своём веку, а ещё он не просто знал вверенную ему матчасть, но чувствовал её не предусмотренную проектной документацией душу. Продемонстрировав открытую мозолистую ладонь, он скомандовал капитану Лёше следовать своим курсом, а в остальном положиться на него.

Капитан кивком обозначил своё согласие. Трамвайчик лёг в дрейф. Пассажиры на его борту и на берегу заволновались. Одни видели желанный берег и не имели возможности на него сойти, другие наблюдали речной трамвайчик, но были лишены возможности ступить на его палубу.

Всех успокоил усиленный репродуктором голос боцмана:

— Стоп машина! Приготовиться к циркуляции через левый борт. Лево руля!

Не так-то быстро двигался «Утёс», чтобы издалека можно было заметить изменение скорости, но Иван Ильич... Он, конечно, почувствовал, как вздрогнул дебаркадер, а в следующее мгновение с новой силой принялся раздвигать водную гладь.

– Глупый ты, глупый, – пробурчал боцман себе под нос. – Ну, хорошо, доказал, что можешь. А теперь докажи, что достоин. Вон бакен – у него даже имени нет, только номер. Он тоже, наверное, хотел бы пробежаться до моря и обратно, но стоит и по собственной воле с места не сдвинется. Да, на якоре. Но якорь тут ни при чём. А ты, юнец, посмотри, что наделал. Ты же сам себя предал. Без тебя ни судам, ни пассажирам на реке делать нечего. Вон их сколько по твою душу собралось. Так что, брат, не блажи. Включай самый малый – и лево на борт!

Снова дрогнул дебаркадер, словно споткнулся, и зажурчала вдоль левого борта вода. Разворот был выполнен почти на месте. К покинутым сваям и деревянному настилу совершенно непригодное к самостоятельному плаванию плавсредство приближалось пританцовывая, поочередно демонстрируя собравшимся на берегу и на палубе трамвайчика то левый, то правый борт.

Минут десять спустя дебаркадер «Утёс» стоял на своём привычном месте. Отплывающие суетливо поднимались по трапу, прибывшие торопливо шагали по дощатому настилу, и никто из них не отдавал себе отчёта в том, что на их глазах произошло настоящее чудо.

Денька через три кто-то на палубе приближающегося речного трамвайчика воскликнул:

— Вот он, наш крейсер «Утёс»!

С тех пор в народе за дебаркадером закрепилось это не лишённое иронии название.